

В селе Флоровское 31 августа – храмовый праздник во имя святых мучеников Флора и Лавра. Храм этот стоит в стороне от шоссе, соединяющего Большое Село и Мышкин. Автобус туда не заезжает, и если нет автомобиля, надо идти несколько километров. А паломничество на колесах нам и не нравится: пусть этих километров не тысячи, как до Святой Земли, но сам по себе пеший ход в наши дни – смирение гордыни и время для размышлений. Ведь если церковь – кусочек неба, то быстро туда взбираться как-то неприлично. Так что вышли мы из автобуса у деревни Девницы (в старину – Денницы, «зари»), ступили на дорогу ко Флоровскому – и хлынул дождь, должно быть, во испытание терпения. Ну, ничего, в юности отец Сергей во всякую погоду здесь ходил, и не пять километров, а тридцать пять.

Протоиерей Сергей Николаевич Вишнеvский, настоятель храма, семьдесят шесть лет назад родился в селе Введенском Некоузского района, а во Флоровское ходил к дедушке, протоиерею Николаю Ивановичу Добронравову, который в то время там служил. Жителей во Флоровском всегда было мало: священники, их семьи и потомки. В XII веке сюда удалился, как отшельник, один из ярославских князей по имени Флор. После его кончины осталась келья, и люди поставили деревянную церковь. По преданию, три было деревянных храма с XII по XVIII век. И перед постройкой теперешнего, каменного, деревянный сгорел. А возведение каменного ознаменовалось чудом.

Тут кругом древние болота с грозным названием – Великий мох. Во все времена здесь собирали клюкву. И сегодня кто только не

«ПОПАСИ ЕМУ, ГОСПОДЬ, ФЛОР И ЛАВРА»

идет, прибывает даже каждую осень на заготовку десант монахинь из Толгского монастыря. А в XVIII веке этому занятию предавались приближенные Екатерины Второй: три деревни, примыкавшие к болоту, были придворного ведомства. Но как-то раз вельможи заблудились, не отпустил их Великий мох. Тогда они взмолились Богу, дав обет: спасемся – воздвигнем храм. Узрев свет необыкновенный, пошли на него – и увидели: там, где оставлены были экипажи, сияла на дереве икона Божьей Матери.

Отец Сергей сделался настоятелем церкви Флора и Лавра двенадцать лет назад, а в нынешнем году исполнилось пятьдесят лет его священства. Он закончил духовную семинарию и академией в Москве, служил в почитаемых различных храмах, приобрел любовь прихожан и уважение церковного начальства, у него пять орденов. Но в конце 80-х годов поехал навестить Флоровское, увидел запустение – и остался. С той поры это место хоть и уединенное, но не безлюдное. К отцу Сергию стремятся окрестные жители и бывшие московские прихожане. Настоятель убежден: церковь восстанавливается под патронажем святых Флора и Лавра, это они привлекают сюда спонсоров и благодетелей. Они же были строителями, каменотесами и пострадали за веру: во втором веке в Византии им заказали делать языческий храм, а они освятили его как христианский, за что приняли мученическую смерть.

Впрочем, отец Сергей ничего не имеет и против народного представления об этих святых. А народ в них видит

покровителей лошадей. Так, в одном стихе поется: «Попаси ему, Господь Бог (т. е. хозяину), Флор и Лавр, лошадунок». В сказании о святых мучениках Флору и Лавру полагается особая молитва от конского падежа. Отсюда и самый день св. Флора и Лавра получил название в простонародье лошадиного праздника. В старину в этот день давали лошадям отдых, купали их, завивали лентами гривы, приводили к церквям и окропляли святой водой. В благодарность поселяне пекли хлеб с оттиском в виде конских копыт и жертвовали священнику. На каком основании эти верования и обычаи приурочены к имени и дню св. Флора и Лавра – нет никакого объяснения в житии святых угодников. Некоторые исследователи полагают, что культ этот восходит к временам античности. Между тем в Древней Руси на иконах рядом с ликами св. Флора и Лавра очень часто изображались лошади. Хоть и негодовал преподобный Димитрий Ростовский на иконописцев своего времени: «И иная много обыкоша тии писати, акоже святых мученик Флора и Лавра с лошадьми, яко же суть небылица». Понятная резкость: тогда язычество окружало христианские храмы, справляло, не таясь, свои обряды – церковь должна была вооружаться против них. Но с течением времени масса чисто народных верований и преданий стала частью церковно-народной жизни. «Явление это само по себе странное, – писал историк И. В. Калинин, – есть, однако, самый естественный и неминуемый результат столкновения и борьбы двух противоположностей – ограничен-

ной, наивной народности и безграничных, общечеловеческих стремлений и идей христианского мира».

Отец Сергей не сердится, когда спрашиваешь: можно ли молиться о животных? «Можно, но лично, а не через церковь». А коли так, то Флора и Лавра считаем святыми по экологическим проблемам. Когда нынешним летом горел Вели-

кий мох, мы обращались к ним и уверены были: они не допустят огонь до Флоровского. И дождь, что поливает нас по дороге туда, тоже вымоленный. (Потом узнали: Лужков, чтобы отпраздновать день столицы, самолетами отвел облака от Москвы. Дождь, как водится, пошел по реке, по каналу к Волге – и вот он у нас, долгожданный. А вокруг Моск-

СПОДЬ, ФЛОР И ЛАВР, ЛОШАДОК...»

ной, наивной народности и безграничных, общечеловеческих стремлений и идей христианского мира».

Отец Сергей не сердится, когда спрашиваешь: можно ли молиться о животных? «Можно, но лично, а не через церковь». А коли так, то Флора и Лавра считаем святыми по экологическим проблемам. Когда нынешним летом горел Вели-

кий мох, мы обращались к нему и уверены были: они не допустят огонь до Флоровского. И дождь, что поливает нас по дороге туда, тоже вымоленный. (Потом узнали: Лужков, чтобы отпраздновать день столицы, самолетами отвел облака от Москвы. Дождь, как водится, пошел по реке, по каналу к Волге – и вот он у нас, долгожданный. А вокруг Моск-

вы – пожары.) Ощущение такое, что вода с неба льет исключительно для нас: на раскисшей дороге – никого. Но все же мы поем от радости, стараясь подражать Шаляпину:

*Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды.
(Особенно – воды.)
Благословляю я свободу
и голубые небеса,
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму...*

Хорошо, о. Сергей не слышит этот вой в лесу. Батюшка очень музыкальный, сам хорошо поет, у него большая фонотека. Очень сожалеет, что в храме певчих нет: на службе в высокой просторной церкви звучит лишь его голос и псаломщицы Галины Елисеевны, да еще иногда с его благословения на клиросе подпевают прихожане. Он хотел было фонограмму хора включить, но это здесь не понравилось и не привилось.

А сегодня у него в гостях хор из церкви Преподобной Параскевы, что в Большом Селе. Прибыли вместе с игуменом Саввой и регентом Татьяной Беловой. Там есть голоса: Татьяна Плахова, Светлана и Олег Зубайраевы, школьница Наташа... Работают же все кто где – в Доме культуры, в больнице, в библиотеке, а в церкви поют для души. Вот сейчас уже, наверное, на праздничной службе выводят тропарь: «Восхвалим верные по достоянию Флора Преплаженного и Лавра Всечестнаго, иже усердно Троицу проповедали всем всем...» Молитву Флору и Лавру читает благочинный, протоиерей Николай Лихоманов, настоятель Воскресенского собора в Тутаеве. (Отец Сергей всегда добавляет: «В Романове-Бо-

рисоглебске, временно – Тутаеве»). Отец благочинный наверняка и дьякона с собой привез с громовым басом. О. Сергей, должно быть, рад, несмотря не то, что владыка Михей не смог приехать. Но в прежние несколько лет 31 августа владыка непременно проводил службу во Флоровском.

Ну а мы еще только подходим к деревне Погорелки. Батюшке московский прихожанин привез копия писцовых книги времен Иоанна Грозного – ту часть, что об этих краях. Тогда были тут и Большие Погорелки, и Малые. Речка, что течет из болота Великий мох, называлась не Койка, а Коя. Здесь жили соколиные помытчики – люди, промышлявшие ловлей соколов. Они их приручали и относили к царскому двору. А из русских царей самым знаменитым соколиником, несмотря на все свое благочестие, был Алексей Михайлович (Тишайший). В грамоте от 1632 года упоминалось о помытчиках: «Деревню Павлово, в которой они живут, и с пустошами для государевой соколиной ловли обелить, а платить им на государеву кречатно по четыре сокола в год». То есть их освобождали от всех податей и велели заниматься только соколами.

А речка Койка нынешним летом исчезла. Обычно она чистая и быстрая, из нее обитатели Флоровского берут воду для питья. На Крещение делают во льду прорубь – иордань – и туда погружаются те, кто принимает крещение. Но теперь там одно сухое русло, вода осталась только в ямках-бочагах. Отец Сергей говорит, что видит такую картину впервые за двенадцать лет жизни

здесь. Он ведет дневник и ежедневно описывает погоду и природные явления. Он совсем не суеверный, на всякие страсти-мордасти всегда найдет здоровое рассуждение в Святом Писании: «Аще что и смертные испиют, не вредит их». От состояния души зависит – его ответ на слухи о радиационных отходах, сброшенных в болото, и зараженной клюкве. Но очень расстроился, когда Галина Елисеевна сплила старые липы у своего дома. Они могли рухнуть при сильном ветре, но – отнимать у дерева жизнь? «Тысячу поклонов за каждую липу!»

Он поэт и романтик. Собирается даже издать «Составленный о. Сергием Вишневским сборник стихотворений, которые записывал он с юных лет».

Спросили его как-то: что было самым прекрасным в вашем путешествии в Святую Землю? «Как ходил и сидел на горе Елеонской. Что-то дивное там...»

И наше маленькое паломничество близится к цели. Вот уже колокольня видна над лесом, за поворотом – Флоровское. Дождь заканчивается. Сейчас мы войдем в храм, помолимся святым мученикам Флору и Лавру, облегчим душу. А потом будем беседовать за трапезой с отцом Сергием, его духовными чадами и друзьями. К этому дню мы переписали ему стихотворение:

*В деревне Бог живет
не по углам,
как думают насмешники,
а всюду.
Он освящает в очаге посуду
и честно двери делит
пополам.
В деревне он в избытке...
Он изгороди ставит, выдает
девицу за лесничего и,
в шутку,
устраивает вечный недолет
объездчику, стреляющему
в утку...*

Ольга СТРЕЛЬЦОВА.
Большесельский район.

